

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Будённой Евгении Владимировны на тему: «Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание,

Диссертация Е. В. Будённой посвящена референциальной перестройке, приведшей к регулярному употреблению субъектных местоимений в восточнославянских, латышском, ижорском и водском языках, генезис которой – как в целом, так и в деталях – остается пока не вполне ясным. Этим обусловлена актуальность работы.

Новизна работы заключается в том, что проблема референциальной перестройки рассматривается с точки зрения ареальной лингвистики – к сравнению привлечены языки из разных семей, причем их данные исследуются в диахроническом аспекте. В диссертации использованы материалы, ранее не привлекавшиеся для анализа. Результаты исследования позволили дать новое объяснение причин экспансии местоименной модели.

Теоретическая значимость работы состоит в обращении к типологически редкой референциальной модели с двойным маркированием субъекта – местоимением и глагольным аффиксом. В диссертации дается ответ на вопрос о том, какие факторы могут приводить к возникновению такой «избыточной» модели.

Проблема рассматривается в широкой ареальной перспективе; исследуются не только внутренние факторы, повлиявшие на референциальную перестройку, но и вопрос о внешнем влиянии. Работа выполнена на представительном материале, с привлечением статистических методов. Сильной стороной работы является тщательная проработка методологических подходов. Обстоятельно обосновывается терминология, принципы отбора материала и его анализа.

В первой главе дан теоретический обзор трактовок субъектной референции с функционалистской и генеративистской точек зрения; обсуждаемые в этой главе теоретические положения применяются в последующем анализе конкретного материала.

Во второй главе исследуется эволюция субъектной референции в русском языке. Автору удалось дать новую, вполне убедительную, трактовку экспансии субъектных местоимений, существенно отличающуюся от традиционной, которая предполагала, что главной причиной экспансии местоимений стала потеря связок в перфекте, прежде всего в 3 л. Для Е. В. Буденной ключевым моментом стал анализ именных клауз, которые ранее не были изучены в достаточном объеме. Её исследование подтвердило наблюдения А. А. Зализняка о распространении местоимений 1 и 2 лица в клаузах со сказуемым-существительным. Выйдя за пределы материала берестяных грамот и привлекая другие источники бытового регистра или близкие к ним по лингвистическим параметрам, Е. В. Буденная установила, что в именных группах в живом языке связка исчезла в 3 л. к XIV в., в 1 и 2 л. – к XVI в., а регулярное употребление субъектных местоимений в 3 л. установилось в XV в., в 1 и 2 л. – в XVI – пер. пол. XVII в. (с. 80). Преобладание местоименных моделей в глагольных клаузах также приходится на XVI – пер. пол. XVII в. (с. 102), т. е. на период, существенно более поздний, чем потеря связок в перфекте (в 3 л. она произошла в дописьменный период). Эти статистические данные показывают, что экспансия местоимений в восточнославянских языках начинается после утраты связок в именных группах, а не после более ранней утраты глагольных связок перфекта и, соответственно, главной причиной экспансии местоимений была потеря связок не в перфекте, а в именных клаузах.

Этот новаторский вывод подтверждается сопоставлением восточнославянских языков с западнославянскими. В западнославянских языках связи в именных клаузах сохраняются, поэтому экспансии местоимений не происходит, несмотря на то, что связка в 3 лице в глагольных клаузах утрачена, как и в восточнославянских языках (с. 97-98). Такая трактовка западнославянской ситуации хорошо согласуется с картиной, зафиксированной в ходе анализа восточнославянского материала, что придает убедительности выводам автора. Они состоят в следующем: в восточнославянском ареале произошла двойная утрата связок 3 л. – в перфекте и именных клаузах, что повлекло за собой утрату связок во всех лицах и дальнейшую экспансию местоимений (с. 98-99). Как сказано в общих выводах 1-й главы, основной причиной референциальной перестройки в восточнославянских языках стала «системная утрата глагольной связки 3-го лица в именных клаузах в сочетании с перфектом» (с. 118).

Для меня осталась неясной одна деталь: в итоговом резюме анализа именных клауз (с. 99) говорится, что для 1 и 2 л. в XIV – XV вв. уже установилась двучленная местоименная модель в качестве основной. Но согласно статистическим данным, приведенным на с. 80, это произошло лишь в XVI – пер. пол. XVII в., ср. [Зализняк 2008: 255, 262]. В XIV – XV вв. в именных клаузах двучленная местоименная модель преобладает (хотя и не очень существенно) над связочной моделью только в 3 л. Решительное преобладание двучленной местоименной модели в именных группах фиксируется во всех трех лицах только начиная с XVI – пер. пол. XVII в., т. е. тогда же, когда двучленная местоименная модель становится господствующей и в глагольных клаузах. Следует ли из этого, что экспансия местоимений в именных клаузах не могла послужить толчком для аналогичной экспансии в глагольных клаузах? По-видимому, нет. Во-первых, доля двучленной местоименной модели в именных клаузах в 1 и 2 л. XIV – XV вв. существенно выше, чем в глагольных, что могло послужить триггером для распространения местоименной модели в глагольных клаузах. Во-вторых, в именных группах экспансия двучленной местоименной модели коррелирует с утратой связи: вслед за утратой связи в 3 л. в XIII в. наблюдается распространение субъектных местоимений во всех лицах в XIV – XV вв., а затем падение связок в 1 и 2 л. и полное господство местоименной модели. В глагольных клаузах такой корреляции не наблюдается: за исчезновением связи в 3 л. еще в дописьменную эпоху не последовало экспансии местоимения, которое начинает активно использоваться – причем преимущественно в 3 л. – лишь со вт. пол. XIV – XV вв., когда пошла экспансия местоимений в именных клаузах. В таких обстоятельствах естественно объяснить победу местоименной стратегии в глагольных клаузах в XVI – пер. пол. XVII в. толчком извне, а именно со стороны именных клауз (влияние немецкого, если и было, оставалось крайне ограниченным, см. с. 187-188).

В диссертации довольно четко разъясняются принципы фильтрации материала; автор во многом опирается на правила, сформулированные А. А. Зализняком, хотя, к сожалению, не все из них принимает во внимание. Для верификации примененных принципов хорошо было бы привести использованные контексты хотя бы для ключевых моделей в приложении. Хотелось бы видеть более детальную дифференциацию контекстов, в которых встречаются исследуемые конструкции. Автор касается проблемы вычленения типов изложения (с. 62), но признает её малозначимой для исследования референциальной эволюции (с. 63). Однако в случаях, которые не поддаются объяснению при помощи статистики, дискурсивная и прагматическая характеристика текста могла бы, как кажется, прояснить вопрос хотя бы отчасти.

Так, представляющие сложность для интерпретации модели, содержащие местоимения при глаголе в презенсе или местоимения и глагольные связки одновременно, иллюстрируются четырьмя контекстами (с. 55), два из которых (48 и 51) представляют собой речевой акт, удостоверяющий действие субъекта, названного местоимением, третий (50) – заявление митрополита о своих полномочиях. Возможно (хотя это предположение нуждается в проверке), в перформативных актах и близких к ним контекстах появление местоимения закономерно, ср. в берестяной грамоте 531 XII-XIII вв.: *а река тако: азо солю 4 дворяно*. В последнем из четырех примеров (49) местоимение участвует в противопоставлении, поэтому контекст вообще не должен приниматься во внимание (*азъ есь велми боленъ. а се вы братъ мои игоръ, ‘я болен, а вот мой брат [вместо меня]’*). Он не был отвергнут, поскольку, в соответствии с сформулированными принципами отбора материала (с. 65), отсеивались контексты с местоименными подлежащими, участвующими в противопоставлении членам предшествующей клаузы, но противопоставление члену последующей клаузы тоже способствовало появлению местоимения, ср. [Зализняк 2004: 171; 2008: 243].

В этой связи хотелось бы видеть разъяснения по поводу того, как подсчитывались местоимения в контекстах типа: *вячеславъ же р(ч)e ты ма еси снү самъ позываль киеву. а я есь быль цъловаль хр(с)ть къ брату своему дюргеви* Киевская летопись 144г. Согласно принципами отбора материала, изложенным на с. 65, *я* во второй клаузе не должно было учитываться, но по поводу *ты* в первой клаузе ясности нет: если учитывался пример 49, то и оно должно было включаться в подсчеты, хотя оно точно так же участвует в противопоставлении, как и *я* во второй клаузе.

В примере 97 из Киевской летописи (*вы есте людие дѣда моего и отца моего*) с местоимения начинается обращение Изяслава к вышедшему ему на встречу дорогобужцам – в абсолютном начале публичной речи появление местоимения кажется естественным, а речь князя перед горожанами едва ли представляет собой диалог в обычном смысле слова.

К числу «обязательных» – или по крайней мере в высшей степени ожидаемых – местоимений, видимо, стоило бы отнести и те, которые являются опорными для приложений (типа *яз*, *холоп твой* и т. п. в примерах 62, 78-79), см. [Зализняк 2008: 244]. Начальные формулы юридических документов (типа *се азъ Мъстиславъ Володимиръ сын*, примеры 64-66), очевидно, являются частным случаем такого употребления. Опущение местоимения во второй части примера 79, по-видимому, является окказиональным (к сожалению, не сообщается, есть ли еще в выборке аналогичные конструкции) и применительно к книжному тексту должен трактоваться как ошибка.

Имело бы смысл, вслед за А. А. Зализняком [2008: 244-245], выделить в отдельную позицию случаи, когда местоимение появляется в сопровождении атрибута *самъ*: употребление местоимения здесь необязательно, но более вероятно, чем в других контекстах.

За вычетом всех перечисленных позиций число немотивированных конструкций с «избыточным» местоимением в древнейший период существенно уменьшилось бы, так что их относительно высокую частотность в Киевской летописи не пришлось бы связывать с труднообъяснимым «витком» распространения местоимений на фоне сохраняющихся связок (с. 90) или «оттенком торжественности» (с. 96, 118), но можно было бы объяснить дискурсивными особенностями этого памятника. В целом же окончательный вывод автора о необходимости исключения данных Киевской летописи из материала, релевантного для суждения о трехчленной модели (с. 97), представляется убедительным.

Для уяснения причин распространенности трехчленной модели в книжных текстах тоже желателен анализ контекстов. Трактовка трехчленной модели как восточнославянской инновации (с. 96) представляется поспешной: она дана на основе сравнения восточнославянских памятников со старославянскими, но старославянских и древнеболгарских памятников, аналогичных по типу дискурса русским летописям, юридическим и бытовым текстам либо не существует, либо они не были привлечены к сравнению (скажем, грамоты болгарских царей).

Замечание о том, что деловые тексты, где в 3 л. местоимения в перфекте распространяются раньше, нежели в презенсе, дают более адекватную картину, чем бытовые тексты, где местоименная экспансия происходит одновременно в презенсе и претерите (с. 111), также желательно было бы проверить с учетом дискурсивных факторов. Для юридических текстов типа «Русской Правды» или княжеских уставов характерны генерические контексты с неопределенно-личным сказуемым в 3 л. презенса, в которых субъект закономерно не называется (типа *аже оубиуть кого оу клъти или оу которъ татбы, то оубиуть во пса мъсто*); за счет этого доля президентных клауз без местоимений может оказаться сравнительно маленькой.

В третьей главе диссертации рассматривается экспансия субъектных местоимений в латышском языке. В качестве объяснения выдвигается вполне правдоподобная гипотеза, что толчком к распространению местоимений послужила омонимия окончаний в условном наклонении, где латышские глаголы имеют единый суффикс для всех лиц. С теоретической точки зрения латышские данные представляет большой интерес, поскольку показывают, что причиной референциальной перестройки могли стать отнюдь не самые частотные формы, - так же, как и в восточнославянских языках, где перестройка началась с именных клауз, на порядок менее частотных, чем глагольные.

Что же касается ижорского и водского языков, которым посвящена 4-я глава, то распространение субъектных местоимений в них убедительно объясняется влиянием русского языка (вопросу о внешних влияниях специально посвящена глава 5).

В целом диссертация Е. В. Буденной заслуживает высокой оценки. Это методологически грамотная работа широко эрудированного автора. Диссертация логично выстроена и четко написана. В ней предложено и обосновано новое объяснение эволюции субъектной референции в восточнославянских языках и латышском языке, получены данные, важные с точки зрения типологии и теоретического осмыслиения развития субъектной референции. Результаты работы будут использованы в исследованиях по исторической грамматике исследованных в ней языков.

Основное содержание диссертации представлено в 7-ми публикациях в научных журналах и сборниках, 3 статьи опубликованы в рецензируемых изданиях их перечня ВАК РФ, положения диссертации неоднократно излагались в докладах на научных конференциях в России и за рубежом.

Диссертация написана автором самостоятельно, автореферат диссертации и опубликованные статьи полностью отражают основное содержание работы, научные результаты и положения основательно аргументированы. В диссертационном исследовании Буденной Евгении Владимировны «Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала» содержится решение задачи, имеющей существенное значение для сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, оно соответствует всем требованиям, изложенным в пунктах 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Буденная Евгения Владимировна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата

филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

15 октября 2018 года

Пичхадзе Анна Абрамовна,
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
главный научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Адрес организации –
119019, Москва, Волхонка 18/2
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(495) 695-26-60 ruslang@ruslang.ru

Подпись руки *Пичхадзе А.* – костоверюю
Российского государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

15 октября 2018 г.

